

Писательская стезя Игоря Бондаренко

Игорь Бондаренко, беседовал Анатолий Малиновский

Месяц назад писатель, публицист, общественный деятель Игорь Михайлович Бондаренко стал почетным гражданином Таганрога. А на днях Игорю Михайловичу исполняется 80 лет, с чем его – давнего друга «ТП» – от души поздравляет редакция нашей газеты. Накануне юбилея с писателем встретился главный редактор «ТП» Анатолий Малиновский.

– Игорь Михайлович, из-под вашего пера вышли ни мало ни много 29 книг. Какую из них вы считаете своей главной?

– Конечно, роман «Такая долгая жизнь». Там очень много личного, там большое количество персонажей, прототипами которых послужили таганрожцы, дорогие мне люди.

– Но действие этого объемного романа, который можно назвать «таганрогской сагой», происходит не только в нашем городе, а чуть ли не во всем мире.

– Естественно... Я родился в Таганроге, это главный город в моей жизни, но где меня только не носило!.. Хорошо знаю не только Приазовье и юг до Каспия, но и север нашей страны, Украину, Белоруссию, Киргизию, Казахстан. А если говорить о Европе, то мне легче назвать страны, где я не был, чем перечислять те, где был... И разве я один такой в Таганроге? XX век был бурным и трагическим, его «волны» бросали моих земляков по всему свету.

– Недавно «Таганрогская правда» опубликовала очерк о вашем жизненном пути «Дней и верст особый счет...». Анкета у вас была та еще: «сын врага народа», «был на оккупированной территории, в лагере в Германии...» С такой анкетой люди были «невыездными», а вы объехали всю Европу.

– Все верно. Анкета у меня была хуже некуда. И 20 лет после войны я был «невыездным». Все изменила повесть «Кто придет на Мариине».

– Ваша первая повесть?

– Первая опубликованная повесть. После демобилизации и успешной сдачи экстерном экзаменов в Чеховской школе во время учебы в Ростовском университете я написал повесть о русских в немецких лагерях. Называлась она «Чет или нечет». Повесть не просто о лагерях, а о борьбе советских людей в этих лагерях. Послал ее в Воениздат. Получил довольно положительный ответ, но с коротким резюме: повесть напечатать не сможем. Без объяснений... Позже я узнал, что тема немецких лагерей была закрыта долгие годы.

Но таким меня создал Бог, что мне всегда хочется добиться справедливости. А отношение к людям, которые были в Германии в лагерях практически рабами и, выжив, вернулись на Родину, было чудовищно несправедливым. Как это исправить? Написать правдивую повесть. Написал, но ее не напечатали. Что делать? В то время я уже окончил университет с отличием и хотя со всеми пятерками мне «светила» аспирантура, но... Меня угнали в Германию, и это было как клеймо. Хотя я там участвовал в движении Сопротивления, бежал из лагеря, пошел добровольно на фронт, но все равно – заклеял...

Проработав два года учителем в Киргизии, по состоянию здоровья жены вернулся в Таганрог, но место учителя здесь не нашел. Счастливый случай помог мне устроиться фоторетушером в редакцию журнала «Дон». К этому времени я уже писал рассказы и печатался. Вот тогда у меня и родилась мысль написать повесть «Кто придет на Мариине».

«Мариене» - так назывался авиационный завод Хейнкеля в Ростове. Я бежал из лагеря в 1945 году и попал на фронт в полковую разведку - все решило знание разговорного немецкого языка. Вскоре после окончания войны с майором Назаровым, которому подчинялась разведка, мы приехали на завод «Мариене», который представлял тогда груды развалин по-

сле двух бомбежек союзной авиации в 1944 году. Но аэродром почти сохранился. Там я увидел необычный самолет без пропеллеров – это был реактивный истребитель, который делал Хейнкель. А возле самолета - летчика в комбинезоне. Он готовил самолет для отправки в Советский Союз, Майор с летчиком о чем-то поговорили. Я знал, что Назаров не говорит по-немецки, и спросил его: «Товарищ майор, как вы объяснялись с ним? Он же немец». «Нет! - сказал Назаров. – Это русский. Наш разведчик. А работал он здесь под личиной немецкого офицера». Это запало мне в душу. Ведь я впервые увидел не в кино, а в жизни настоящего агентурного разведчика...

Вот так я и решил в 1965 году написать повесть «Кто придет на Мариине», героем которой стал наш разведчик. Но он же работал не в безвоздушном пространстве! Около 12 тысяч рабочих на заводе были иностранцы, из них около 5 тысяч - русские. Решил посоветоваться с куратором журнала «Дон» из КГБ. Он одобрил мой замысел, но сказал, что никаких дополнительных сведений об этом человеке я не получу по той простой причине, что он и сегодня, возможно, где-то работает... Виктор Семенович Момот – так звали куратора – сказал мне: «Пиши. Ты знаешь завод, обстановку, ты был там. А повести о нашей разведке очень нужны».

Эта повесть открыла мне дорогу в мир. Она неожиданно так понравилась «наверху», что была включена в список рекомендованной литературы для сотрудников внешней разведки. Таким образом, я попал в список писателей, для которых уже не существовало каких-либо ограничений для поездок за рубеж. Особенно, конечно, если брался за новую работу о разведке.

– Эту повесть перевели на немецкий.

– А Балтийская студия инсценировала ее, поставила телевизионную постановку.

- Вернемся к вашей главной книге - роману-диалогии «Такая долгая жизнь». Как появилась мысль написать эпическую вещь? Откуда взялась решимость на такое замахнуться? Ведь одно дело - рассказ или повесть и совсем другое - роман.

- Разница действительно очень большая. Мне близки и понятны слова Джона Апдайка, американского писателя, сказавшего примерно следующее: «Писать роман – это все равно, что на весельной лодке отправиться в одиночное плавание через Атлантический океан».

Я сам был удивлен его читательским успехом. Можно понять, когда повести о разведчиках, как писал один критик, раскупались, как «горячие пирожки», но семейный роман... Ответ можно найти в десятках тысяч читательских писем-отзывов.

Судьба героев романа похожа на судьбы миллионов советских людей, независимо от того, где они жили – во Владивостоке, в Мурманске или в Саратове. Через их жизни прошли громадное строительство, которое велось по всей стране в 30-е годы, и политические репрессии. Но, несмотря на все трудности и испытания, весь народ, вся страна готовились к войне. От мала до велика мы понимали, что либо успеем создать мощное государство и выстоим в смертельной схватке, либо погибнем. Ну и, конечно, сама война. Нет семьи, которую бы она не зацепила. И это все есть в романе, причем я сохранил множество фамилий людей, которые и выиграли эту войну: летчиков, летавших на Берлин в августе 1941 года (о чем мало кто знает), танкистов 8-го механизированного корпуса генерала Рябышева, принявшего первый бой. Их подлинные имена остались в памятнике - книге.

– Работа над романом заняла у вас почти двадцать лет. Как он рождался?

– В 1945 году в Берлине в полуразрушенном доме я подобрал на полу детскую книжку с большими чистыми полями. Вот эта книжка. Сам удивляюсь как я ее сохранил. В ней я делал первые записи о войне, о Таганроге. Это одна из них: «Шел я по Камышановской. Кое-где у домов стояли подводы. Рассвет опускался на родной город. Тишина. Только слышен был где-то гул самолета...» Это было перед взятием Таганрога немцами в октябре 1941 года. А потом я увидел первых немцев у металлургического завода. Это были эсэсовцы из дивизии «Адольф Гитлер». Вам трудно сейчас представить, как по улицам родного города идут эсэсовцы, идут как хозяева...

– Вы тогда уже решили стать писателем?

– Нет, конечно. Какой из меня тогда с шестью классами образования мог получиться писатель? В 1941-м я пошел только в 7-й класс. Мне сейчас даже трудно объяснить, зачем я делал эти записи. Для кого? Может, для своих братьев, которые были на фронте и не видели, как по Таганрогу шли эсэсовцы...

Но я стал вести в этой детской книжице что-то вроде дневника. Вот еще одна запись от 17 сентября 1945 года, сделанная в польском городе Шверин, где располагался штаб нашей 2-й ударной армии: «Сегодня встретил майора Назарова из 126-го стрелкового полка. Того, кто в свое время решил мою судьбу, и я попал на фронт. Встретились мы как старые друзья».

Так что материал для романа я сказы тех, кто прошел войну «от звонка до звонка»... У меня уже вышло несколько сборников рассказов, и вот однажды я получил письмо от Юрия Васильевича Бондарева, который писал: «Дорогой Игорь! В поезде прочитал «Последний день» и «Березовый сок» и удивился: до чего же близки бывают ситуации, рожденные войной. Это хорошие рассказы, и каждый из них просится в повесть, то есть в протяженный по времени жанр (со всеми деталями, характерами других солдат, настроениями и пр. и пр.). У меня складывается впечатление, что ты чересчур сдерживаешь себя. Чересчур скупись выплеснуть все ощущения в большой вещи». Письмо датировано 3 июня 1975 года. А в 1978 году вышла первая часть 1-й книги романа «Такая долгая жизнь». В 1980-м – вторая часть 1-й книги, а потом уже издан роман-диалогия. Он затем переиздавался в разные годы и последний раз вышел в 1990 году в издательстве «Советский писатель» массовым 100-тысячным тиражом. Сейчас к моему 80-летию выходит «Избранное» в трех томах, туда входит роман «Такая долгая жизнь».

– Позже вы вернулись к теме о разведчиках и написали еще один роман «Красные пианисты», а также повесть «Астрид».

– В 1972 году я был на общеевропейском форуме писателей в Будапеште и узнал, что знаменитый советский разведчик Шандор Радо живет в венгерской столице. Местные друзья организовали с ним встречу. Когда я услышал его историю, то был крайне обескуражен. Человек, который был резидентом нашей разведки в Швейцарии в годы войны, имел ценнейших информаторов в Германии, передавал секретнейшие сведения, обеспечившие в том числе исход Сталинградской битвы и сражения на Курской дуге, получил после победы... 25 лет лагерей. Отсидел, правда, десять и был полностью реабилитирован, но...

У меня было чувство собственной вины перед ним, ведь это моя страна так отблагодарила героя. И снова возникло ощущение чудовищной несправедливости, уже некогда испытанное. И я снова прибегаю к испытанному способу восстановления справедливости. Сначала написал о нем очерк, а потом засел на десять лет за большой роман «Красные пианисты» о самой эффективной в годы Второй мировой войны разведывательной сети в Европе.

– А у «Астрид» какая история?

– В Таганроге в годы оккупации работала наша разведчица, шведка по национальности. Сотрудники внешней разведки (я у них уже был как бы «свой») дали мне ее отчет на 40 страницах. Она вышла замуж в 1933 году за русского инженера, а когда ее муж погиб в 1941 году при бомбежке Ростова, ей предложили (и она согласилась) работать на нашу страну, хотя она не была членом ВКП (б) и ее политические взгляды нельзя было полностью назвать советскими. Ею владело одно чувство - справедливой мести нацизму за гибель любимого человека.

– У каждой вашей книги своя история, и, думаю, нашим читателям будет интересно знать, как они рождались. Скоро вы отметите свое 80-летие. Конечно, в такой долгой жизни было много разного: и тяжелого, и трудного, и ужасного, но и светлого, наверное, тоже?

– Конечно, случалось разное. Веселых историй было много. На моей страничке в Интернете есть даже раздел «Несерьезные рассказы». Вот, например, такая.

В 1946 году наша 2-я ударная армия уже была в Советском Союзе. Из ее частей был сформирован Архангельский военный округ. У меня был фронтовой друг Сережка Красно-

штанов, старший сержант. А его родной брат майор Красноштанов получил назначение в Вологду начальником окружного автомобильного склада. Он взял с собой Сережку и меня взял.

Окружной склад – это отдельная часть, более 1000 машин - американские «студебекеры», «шевроле» и «доджи» (наши ЗИС-5 и «полуторки» мы сдали в народное хозяйство еще в конце 45-го), а также около 300 трофейных легковых машин - от «БМВ» до «мерседесов». Стояли мы километрах в шести от города в военном городке. Но для молодости это не расстояние. В увольнение мы ходили в город. Перед увольнением выпивали по стакану водки без закуски (стакан для нас тогда был как слону дробина) – просто для настроения.

Пришли в Дом культуры. Танцы. Две девушки-подружки: Лена и Нина. Обе – студентки Ленинградского института железнодорожного транспорта, приехали на каникулы. Дело было летом. Так получилось: Сережка с Леной, а мне Нина больше понравилась. После танцев пошли девушек провожать. Остановились на перекрестке. Девушки нам говорят: «Ребята, до свидания. Спасибо, что проводили. А если хотите завтра с нами встретиться, то на этом же месте в 6 часов вечера». А был такой фильм «В шесть часов вечера после войны».

Они пошли своей дорогой. А мы «почапали» в часть. И по дороге у нас родилась «гениальная» идея.

– Гарик, - говорит Сережка, – завтра мы девчонок «сразим». Берем зеленую «БМВ» с откидным верхом и подкатываем на перекресток к 6 часам. А послезавтра – на черном «мерседесе», а потом еще у нас «опель-адмирал». Представляешь?

План – лучше не придумаешь. Но на другой день группа ребят демобилизовывалась. Ну, конечно, приняли. Время еще есть – три часа дня. Солнышко. За гаражами на травке решили прикорнуть... Просыпаюсь я – Сережки нету. Глядь на часы – половина седьмого... Сережка потом оправдывался: мол, проснулся – четверть седьмого, думал, успею сам. Главное – их застать! Но уже не застал...

– Так вы и потеряли этих девушек?

– Да нет, потом нашли... С Ниной я переписывался два года. Потом перевели меня в Онегу на Белое море. Не судьба, оказалось... А судьба моя нашла меня в Таганроге – выпускница 10-й женской школы Талочка (Наташа) Сивоконь. Вот с ней мы прожили в любви и понимании 34 счастливых года.

